

1692

15

1920

Возстаніе грековъ и отно-
шеніе къ нему Европы въ
1821—1829 г.

Событія, происходящія на югѣ Бал-
канскаго полуострова, война турокъ съ
греками, готовящееся посредничество
Европы, все это невольно напомина-
етъ намъ о событіяхъ 20-хъ годовъ
нашего вѣка, о борьбѣ грековъ за свою
независимость, о тогдашнемъ отношеніи
къ нимъ Европы. Тутъ есть нѣкото-
рая аналогія, но еще больше—разли-
чія и контрастовъ...

Одною изъ характерныхъ чертъ XIX
в. являются либеральныя и національ-
ныя движенія, стремленіе народовъ къ

освобожденію и объединенію. Отчасти это—прямое слѣдствіе французской революціи и Наполеоновскихъ войнъ. Правда, французская революція отличалась характеромъ космополитическимъ; но она же пробуждала самосознаніе массъ, призывала къ свободѣ, къ сверженію ига деспотизма, какъ политическаго, такъ и иноземнаго; она низлагала въ сосѣдней Германіи и Италіи—хотя на время—мелкихъ династовъ и владѣтелей и уже тѣмъ подготавливала почву къ послѣдующему объединенію. А побѣды Наполеона, гнетъ его владычества, естественно должны были вызвать, какъ реакцію, національныя стремленія, дать почувствовать побѣжденнымъ народамъ всю горечь національнаго униженія и подчиненія и всю цѣну національной независимости. И вотъ мы видимъ, какъ въ началѣ вѣка зарождается идея *единой* Германіи, какъ въ 20-хъ годахъ въ Испаніи, Неаполѣ, Пьемонтѣ происходитъ

рядъ возстаній, частью либеральнаго, частью національнаго характера.

Къ категоріи подобныхъ явленій до нѣкоторой степени относится и греческое возстаніе. Но были и особыя причины, его вызвавшія и сообщившія ему своеобразный характеръ.

Въ ХVІІІ ст. могущество турокъ уже пало; Россія нанесла ему главные удары. Начинался процессъ разложенія Турецкой имперіи и освобожденія поработенныхъ христіанъ. Въ началѣ ХІХ в. сербы уже успѣли достигъ нѣкоторой независимости. Затѣмъ насталь чередъ и для грековъ, которые съ середины ХV в. находились подъ турецкимъ игомъ, но сохранили свою религію, національность и языкъ. Уже во время первой турецкой войны при Екатеринѣ, при появленіи русскаго флота, въ Мореѣ и на островахъ вспыхиваетъ возстаніе; уже Екатерина мечтала объ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленіи Греческой имперіи

на развалинахъ Турецкой (знаменитый „греческій проектъ“). Еще задолго до возстанія 1821 г. въ борьбѣ съ турками прославилось немало греческихъ партизановъ; на морѣ дѣйствовали пираты, а въ горахъ и ущельяхъ гнѣздились *клефты*. Это не были простые разбойники: народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на героевъ, своихъ защитниковъ и мстителей. Греки, жившіе въ разныхъ частяхъ Турціи, особенно въ Константинополѣ (фанариоты), богатѣли и развивали свою торговлю. Нѣкоторые острова, наприм. Гидра и Спеція, завели даже особый флотъ—для защиты своей торговли, но впослѣдствіи онъ могъ служить и для другихъ, болѣе воинственныхъ цѣлей.

Но политическое возрожденіе и освобожденіе Греціи неразрывно связано было съ движеніемъ научно-просвѣтительнымъ и литературнымъ: второе предшествовало первому. Поэтъ *Ригасъ*, ново-греческій Тиртей, какъ его обыкновенно называютъ, въ своихъ пѣсняхъ

призывалъ къ борьбѣ за свободу, къ сверженію ненавистнаго ига: „Долго-ли еще будемъ мы жить въ оковахъ? Долго-ли еще будутъ преслѣдовать насъ, какъ дикихъ звѣрей, въ лѣсахъ и ущельяхъ? Одна минута свободы стоитъ 40-лѣтней жизни въ неволѣ. Какую пользу, народъ мой, приносятъ тебѣ богатства и почести, предлагаемыя тебѣ тиранномъ? Онъ держитъ въ рукѣ своей твою честь и твою жизнь. Идемте, дѣти! Поклянемся крестомъ“ и т. д. Ригасъ же явился организаторомъ перваго тайнаго общества для борьбы за свободу, но онъ погибъ: выданный австрійскимъ правительствомъ въ руки турокъ, онъ преданъ былъ мучительной казни, и общество распалось.

Съ другой стороны, росло стремленіе къ просвѣщенію. Немало грековъ отправлялось за границу, особенно въ Парижъ, съ образовательными цѣлями; въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова быстро увеличивалось чис-

ло греческихъ школъ, на которыя богатые греки не щадили средствъ. А въ какомъ духѣ велось преподаваніе, показываетъ между прочимъ эпизодъ, о которомъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ не такъ давно скончавшійся извѣстный ученый, политическій и литературный дѣятель Рангави: учитель объяснялъ Плутархову біографію Перикла; двери класса были притворены; учитель въ яркихъ краскахъ представлялъ контрастъ между славнымъ прошлымъ и печальнымъ настоящимъ; онъ закончилъ горячею молитвою о возрожденіи несчастной Греціи и изъ его глазъ полились слезы; все это вызвало взрывъ энтузіазма среди учениковъ.—Развитіе просвѣщенія способствовало развитію сомосознанія. Греки смотрѣли на себя какъ на прямыхъ потомковъ древнихъ эллиновъ (хотя въ дѣйствительности они были проникнуты славянскимъ и албанскимъ элементомъ въ сильнѣйшей степени), и

знакомство съ славнымъ прошлымъ, съ исторіей и литературой Эллады, дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на молодое поколѣвіе, подготовляло его къ борьбѣ за освобожденіе.

Въ 1812 г. въ Аѣинахъ основано было общество „*филомузовъ*“, „друзей музъ“, въ цѣляхъ научно-просвѣтительныхъ — сохраненія памятниковъ древности и искусства и распространенія образованія. Во главѣ его стоялъ графъ Іоаннъ Каподистрія, родомъ съ о-ва Корфу, находившійся въ то время на русской службѣ. А въ 1814 г. возникло другое общество — уже чисто политическое — „*гетерія филиковъ*“ (т. е. „друзей“), извѣстное просто подъ именемъ *гетеріи*. Оно основано было въ Одессѣ Николаемъ Скуфасомъ, прикащикомъ одной купеческой конторы. Каподистрія отказался отъ предсѣдательства въ немъ; зато въ близкія отношенія къ этой знаменитой гетеріи сталъ генераль русской службы Ипсиланти,

будущій инициаторъ греческаго возстанія. Распространено было фальшивое убѣжденіе—и гетеристы старались всячески поддерживать его,—будто во главѣ общества стоитъ нѣкое могущественное лицо, именно императоръ Александръ I. Гетерія выставляла свою задачу—дать торжество кресту надъ полумѣсяцемъ, освободить не только грековъ, но и другихъ христіанъ, томившихся подъ турецкимъ игомъ. Это тайное общество быстро разрослось, охватило Балканскій полуостровъ и имѣло приверженцевъ во многихъ странахъ Европы среди греческихъ эмигрантовъ и такъ наз. „филэллиновъ“, т. е. друзей грековъ.

Греческое возстаніе, вспыхнувшее въ 1821 г., и было дѣломъ гетеріи. Ближайшимъ поводомъ къ нему послужили событія въ Эпирѣ, гдѣ властвовалъ непокорный турецкій вассалъ, энергичный и жестокій Али-паша Янинскій, противъ котораго султанъ рѣшил-

ся наконецъ употребить силу (1820). Тогда Али-паша призвалъ себѣ на помощь грековъ и албанцевъ. Послѣ долгаго сопротивленія онъ однако сдался, положившись на обѣщанія турокъ, но былъ умерщвленъ и голова его отправлена въ Константинополь (февр. 1822). Самое возстаніе вспыхнуло прежде всего на сѣверѣ, въ Молдавіи и Валахіи. Въ мартѣ 1821 Александръ Ипсиланти во главѣ вооруженнаго отряда перешелъ Прутъ и вторгнулся въ Молдавію, призывая христіанъ къ сверженію ига невѣрныхъ. Предпріятіе его не удалось; надежды, возлагаемыя имъ на Россію, какъ увидимъ, не оправдались; самъ онъ оказался плохимъ организаторомъ; въ средѣ его сторонниковъ обнаружились раздоры. Въ битвѣ при Драгачанѣ греки были разбиты; ихъ „священный отрядъ“ изъ 500 молодыхъ людей, образованный въ подражаніе древнему еиванскому, весь погибъ и Ипсиланти бѣжалъ въ Ав-

стрію; тамъ его заточили въ крѣпость.

Но вторженіе Ипсиланти зато послужило сигналомъ къ возстанію въ собственной Греціи и на островахъ. Выступилъ рядъ борцовъ за свободу родины, національныхъ героевъ, имена которыхъ до сихъ поръ хранятся въ памяти народа. Въ Пелопоннесѣ дѣйствовалъ Петръ Мавромихали и знаменитый предводитель клефтовъ, „старикъ“ Колокотрони; на сѣверѣ, во главѣ горнаго племени суліотовъ, — Маркъ Боцари, на морѣ — Канари и Міаули, и др. Война, сообразно мѣстнымъ условіямъ, имѣла преимущественно партизанскій характеръ. Острова, въ особенности Гидра, Спеція, Псара, выставили флотъ, и отважные греческіе моряки посредствомъ брандеровъ наносили удары турецкому флоту. Турки терпѣли неудачи. Въ Пелопоннесѣ они были вытѣснены изъ разныхъ пунктовъ; наконецъ, послѣ долгаго сопротивленія, палъ ихъ главный оп-

лотъ здѣсь—Триполица. Озлобленные турки совершали варварскія жестокости. Въ Константинополѣ въ день Свѣтлаго Воскресенія у самаго алтаря патріархъ Григорій былъ схваченъ и въ полномъ облаченіи повѣшенъ у вратъ патріаршей церкви; затѣмъ его трупъ евреи влачили по улицамъ и бросили въ море. Выѣстъ съ нимъ погибли 3 митрополита и нѣкоторые другія лица. Богатый, цвѣтушій островъ Хіосъ подвергся страшной участи: болѣе 20,000 жителей было перебито, около 50000—продано въ рабство; изъ всего 100-тысячнаго населенія этого острова послѣ разгрома не осталось и 2000. Канари отомстилъ туркамъ за эту жестокость, напавъ на ихъ флотъ и взорвавъ на воздухъ адмиральскій корабль; начальникъ турецкаго флота испустилъ духъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ казнилъ хіосцевъ.

Между тѣмъ въ Пелопоннесѣ, уже свободномъ отъ турокъ, 1 янв. 1822 собрался греческій конгрессъ, засѣдавшій сначала въ Аргосѣ, а потомъ близъ Эпидавра. Имъ провозглашена была независимость Греціи и организовано правленіе. Во главѣ исполнительной власти поставленъ Маврокордато, а президентомъ законодательнаго собранія избранъ Дмитрій Ипсиланти (братъ Александра), передъ тѣмъ бывшій главнокомандующимъ греческихъ силъ. Ихъ соперничество и вообще раздоры среди грековъ немало вредили дѣлу. Тѣмъ не менѣе борьба продолжалась. Греки успѣли овладѣть Коринѳомъ, Навплией, Аѳинами. Правда, на сѣверѣ, въ Эпирѣ, близъ той Арты, у которой и теперь происходили военныя дѣйствія, они потерпѣли сильное пораженіе; но ихъ предводитель Маврокордато засѣлъ въ Миссолунгахъ, и ему удалось отбиться: а вторженіе турокъ въ Пелопоннесъ, дошед-

шихъ было до Аргоса, окончилось отступленіемъ и пораженіемъ.

1823 и 1824 годы прошли безъ особыхъ перемѣнъ. Наконецъ, чтобы сломить грековъ, султанъ обратился за содѣйствіемъ къ своему могущественному вассалу, знаменитому египетскому пашѣ Мехмету-Али; онъ обѣщаль ему Кипръ и Критъ, а его сыну Ибрагиму — намѣстничество въ Морѣѣ. Ибрагимъ высадился въ Морѣѣ (февр. 1825) и своими полчищами наводнилъ полуостровъ. Греки, даже самъ старый герой Колокотрони, избранный диктаторомъ, не устояли и должны были отступить. Морѣя предана была опустошенію огнемъ и мечемъ; жители, деревни, стада, виноградники и рощи, все истреблялось безъ пощады. Изъ Морѣи Ибрагимъ направился къ Миссолунгамъ (на сѣверномъ берегу Коринѣскаго залива) на помощь туркамъ, давно уже безуспѣшно осаждавшимъ этотъ городъ.

Защита Миссолунгъ — едва ли не самый славный эпизодъ въ исторіи греческаго возстанія. Она напоминаетъ защиту и судьбу Платей, во время Пелопоннесской войны, описанную такъ подробно и съ такимъ драматизмомъ Оукидидомъ. Передъ тѣмъ Миссолунги уже два раза подвергались осадѣ и каждый разъ отбивались. Теперь онѣ были обложены и съ суши, и съ моря; немало приступовъ было отражено; нерѣдко грекамъ удавалось прорвать блокаду и снабдить осажденныхъ провіантомъ. Но съ прибытіемъ Ибрагима положеніе ихъ дѣлалось все хуже, осада — тѣснѣе; обнаружился страшный голодъ; приходилось питаться мышами, крысами, кожей, травой. Наконецъ послѣ 11-мѣсячной осады миссолунгцы рѣшили пробиться, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; но только часть успѣла проложить себѣ дорогу сквозь густые ряды непріятели (ночью 22 апр. 1826 г.), остальные всѣ погиб-

ли; остававшіеся въ фортахъ взорвали себя на воздухъ вмѣстѣ съ вторгнувшимися турками...

Морея и западная Эллады находилась уже въ рукахъ турокъ и ихъ союзниковъ. Оставалось покончить съ восточною частью, главнымъ образомъ — съ Аѣинами и ихъ акрополемъ. На нѣкоторое время около Аѣинъ и сосредоточиваются главныя дѣйствія (1826—7). Защитникомъ Аѣинъ является Караискаки, одна изъ оригинальнѣйшихъ личностей среди борцовъ за освобожденіе Греціи. идолъ клефтовъ и солдатъ. Онъ сражался въ сопровожденіи своей возлюбленной, одѣтой въ военную форму. Однажды въ декабрьскую ночь онъ избилъ до 2000 турокъ и изъ ихъ головъ сложилъ пирамиду съ надписью: „трофей грековъ надъ турками“. Но не смотря на его отчаянное мужество и предприимчивость и помощь англичанъ, греки не могли устоять въ неровной борьбѣ: Караис-

каки палъ, и турки овладѣли акрополемъ (май 1827).

Ко всему этому присоединялись внутреннія раздоры: сторонники Англіи враждовали съ сторонниками Россіи, представители гражданского управленія—съ вождями войска, Кондуріоти—съ Колокотрони, который одно время подвергнуть былъ даже заточенію. Рядомъ съ національнымъ собраніемъ въ Эгинѣ Колокотрони выставилъ другое, и лишь съ трудомъ удалось соединить ихъ въ одно (въ Трезенѣ), которое и избрало президентомъ греческой республики *Каподистрию* (1827).

Казалось, греки должны были пасть въ борьбѣ съ турками, когда ихъ спасло вмѣшательство Европы—Англіи, Франціи и особенно Россіи.

Когда началось греческое возстаніе, въ Европѣ господствовала реакція, наступившая послѣ революціи и Наполеоновскихъ войнъ. То была пора „Свя-

шеннаго союза“. Въ силу этого союза государи русскій, австрійскій и прусскій обязывались подчинить свои взаимныя отношенія „высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя“, „руководиться заповѣдями вѣры, любви, правды и мира“, „соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ взаимную помощь; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одной семьи и управлять ими въ духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира“. Таковы были идеальныя цѣли союза, душою и творцомъ котораго былъ императоръ Александръ. Но на дѣлѣ союзъ этотъ превратился въ орудіе реакціи и застоя; руководящая роль перешла къ Меттерниху, истому представителю тогдашней реакціонной системы, и его вліянію подчинился императоръ Александръ. Россія стала на стражѣ легитимизма. Членамъ союза, особенно

574692

Меттерниху, всюду чудилась опасность революціи; ея призракъ неотступно преслѣдовалъ ихъ; а такія событія, какъ извѣстный Вартбургскій эпизодъ, умершвление Коцебу, наконецъ возстанія въ Испаніи и Италіи, казалось, оправдывали опасенія и побуждали принимать общія мѣры для поддержанія *statu quo* и подавленія революціи. Происходитъ рядъ конгрессовъ въ Троннау, Лайбахѣ, Веронѣ.

Въ этотъ моментъ вспыхнуло греческое возстаніе. Какъ же отнеслась къ нему Европа?

Съ извѣстной точки зрѣнія греческое возстаніе могло быть приравнено къ возстаніямъ въ Италіи и Испаніи, для подавленія которыхъ принимались тогда мѣры. Съ этой точки зрѣнія греки были просто мятежники, возставшія противъ законнаго, хотя и турецкаго, правительства. Такъ и смотрѣлъ на нихъ Меттернихъ, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній. Монархи,

соединившіеся для поддержанія принципа охраненія всего законно существующаго, должны, утверждалъ онъ, приложить этотъ принципъ и къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ; греческое возстаніе—порожденіе того же революціоннаго духа, который проявляется на западѣ. Это—дѣло революціонеровъ, слѣдствіе плана, заравѣе составленнаго и направленнаго противъ Священнаго союза. Возстаніе задумано не въ интересахъ греческаго народа—падетъ или освободится онъ, до этого нѣтъ дѣла вожакамъ,—а съ цѣлью поссорить Россію съ Австріею и поддержать либеральный пожаръ, поставивъ въ затруднительное положеніе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія и отвлечь его вниманіе отъ запада. То, что греки боролись за самое дорогое для человѣка, за религію, жизнь, честь, имущество, противъ варварскаго ига, что это была борьба европейцевъ съ

азіатами, христіанъ—съ мусульманами, что турки совершали вопіющія жестокости,—все это въ глазахъ Меттерниха не имѣло значенія. „Съ точки зрѣнія политики“, говорилъ онъ, „нѣтъ нужды, кто бы ни управлялъ на Балканскомъ полуостровѣ, турки или греки, лишь бы только не дать торжества революціи и пропагандѣ“. Австрійскій императоръ Францъ, опасаясь разрыва Россіи съ Турціей, въ свою очередь писалъ императору Александру объ опасности кризиса, „грозящаго подкопать самыя могущественныя основы и единственное средство спасенія отъ нашествія самой неистовой демагогіи“. Но не только изъ страха предъ революціей Австрія смотрѣла на греческое возстаніе съ такимъ опасеніемъ и враждою; тутъ дѣйствовали и другія побужденія: освободительное движеніе народовъ грозило опасностью ей самой; торжество грековъ и славянъ на Балканскомъ полуостровѣ было не въ ея

интересахъ; существованіе Турціи признавалось необходимымъ для европейскаго равновѣсія; ибо, говорилъ Меттернихъ, что же поставить на ея мѣсто? всякое крупное измѣненіе тутъ — вредно. Онъ боится вмѣшательства Россіи, такъ какъ не желаетъ усиленія ея вліянія.

Совершенно такую же точку зрѣнія проводилъ и тогдашній руководитель англійской политики, Кестлери (лордъ Лондондерри): по его словамъ, возстаніе въ Европейской Турціи въ своей организаціи, цѣляхъ, дѣйствіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ движеній въ Испаніи, Португаліи и Италіи; начало революціоннаго потока — въ Греціи, и русскій императоръ (вмѣшательства котораго въ пользу грековъ Англія опасалась тогда подобно Австріи) долженъ отстать отъ греческаго дѣла, какъ революціоннаго.

Гораздо затруднительнѣе было положеніе императора Александра и его

отношеніе къ греческому возстанію—
сложнѣе. Отсюда—колебанія въ его
политикѣ. Съ одной стороны онъ раздѣ-
лялъ взглядъ Меттерниха. И когда
Ипсиланти, поднявъ знамя возстанія,
обратился къ русскому императору съ
письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что
онъ послѣдовалъ призыву болѣе 200
адресовъ съ 600 т. подписей лучшихъ
людей Греціи, и взывалъ къ чувству
человѣколюбія и справедливости госу-
даря, прося покровительства и помощи
единовѣрцамъ, то, не смотря на удив-
леніе императора къ личному безкоры-
стію и благородству Ипсиланти (въ то
время шли какъ-разъ переговоры съ
Портою о возвращеніи ему конфиско-
ваннаго милліоннаго состоянія), отвѣ-
томъ былъ рѣшительный отказъ въ
помощи и исключеніе Ипсиланти изъ
русской службы. „Развѣ могутъ греки
надѣяться достигъ освобожденія и
лучшей участи путемъ возмущенія и
междоусобной войны?“ говорилось въ

отвѣтномъ письмѣ, писанномъ по порученію императора Александра Каподистріей; „развѣ какой-нибудь народъ можетъ подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора?.... Какъ вы смѣли обѣщать жителямъ княжества (Молдавіи и Валахіи) поддержку великаго государства? Если вы разумѣли здѣсь Россію, то ваши соотечественники увидятъ ее неподвижною, и скоро ихъ справедливый упрекъ обрушится на васъ; на васъ всею своею тяжестью ляжетъ отвѣтственность за предпріятіе, которое могли присовѣтовать только безумныя страсти. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы отъ императора, ибо мы повторяемъ, что недостойно его подкапывать основанія турецкой имперіи постыдными и преступными дѣйствіями тайнаго общества... Ни вы, ни ваши братья не находятся болѣе въ русской службѣ, и вы никогда не получите позволенія возвратиться въ Россію“.

Но съ другой стороны императоръ Александръ не могъ не сознавать разницы, существовавшей между возстаніемъ въ Испаніи и Италіи и возстаніемъ грековъ противъ турецкаго ига; онъ не могъ совершенно подавить въ себѣ чувства гуманности, симпатіи и состраданія къ единовѣрцамъ русскихъ и, подобно Меттерниху, равнодушно относиться къ турецкимъ звѣрствамъ, къ такимъ фактамъ, какъ умерщвленіе патріарха и митрополитовъ, какъ избіеніе хіосцевъ. Оставаться безучастнымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе поддерживать турокъ,—значило идти въ разрѣзъ со всѣмъ прошлымъ, съ традиціею, съ тою историческою ролюю, которая выпала на долю Россіи, бывшей до тѣхъ поръ главнымъ противникомъ Турціи и покровительницею восточныхъ христіанъ; значило подрывать вліяніе и престижъ Россіи. Это сознавалъ даже Меттернихъ, говоря, что какъ султанъ не можетъ отказаться отъ кора-

на, такъ и русскій императоръ не можетъ выдать своихъ единовѣрцевъ (бѣжавшихъ изъ Турціи); недаромъ онъ такъ боялся вмѣшательства Россіи. Наконецъ Турція не исполняла принятыхъ на себя обязательствъ. И вотъ, когда послѣ умерщвленія патріарха русскій посоль Стругановъ отъ имени своего правительства потребовалъ отъ Порты измѣненія системы дѣйствій и исполненія условій Бухарестскаго мира (1812), и Порта дала дерзкій отвѣтъ *),

*) Отвѣтъ этотъ настолько характеренъ по нелѣпнымъ выдумкамъ, что мы приведемъ нѣкоторыя его замѣчанія. „Греческій народъ“, говорится въ немъ, „былъ осыпанъ благодѣянiями Порты и за то отплатилъ гнусною неблагодарностью, вынѣвъ дьявольскому внушенiю:“ Порта, „дѣйствуя по началамъ справедливости, ее характеризующимъ, и высокаго милосердiя, которое постоянно испытываютъ ея подданные, въ началѣ употребляла мѣры кротости и убѣжденiя“; патріархъ былъ измѣнникомъ и главнымъ виновникомъ возмущенiя и каж-

то Строгановъ выѣхалъ изъ Константинополя. Объясняя эту мѣру, русское правительство ссылалось на признанное за Россіей право покровительства восточнымъ христіанамъ, а въ письмѣ къ Кестльри императоръ Александръ по поводу несоблюденія турками договоровъ и турецкихъ жестокостей говорилъ: „на мѣстѣ Россіи и въ виду ея обязательствъ могло ли бы англійское правительство терпѣть подобныя дѣйствія? или если ихъ допустила бы Россія, то нашло ли бы оно, что она исполнила долгъ свой предъ собою и всѣмъ христіанствомъ?“

дое правительство имѣетъ право наказывать подобныхъ злодѣевъ. Можно сослаться на примѣръ Россіи, гдѣ при Петрѣ I русскій патріархъ былъ наказанъ смертію за совершенное преступленіе (sic), и патріархатъ былъ совершенно уничтоженъ. „Удивительно, что такой образованный и ученый министръ, какъ баронъ Строгановъ, не знаетъ этого факта“.

И тѣмъ не менѣе на конгрессѣ въ Веронѣ, гдѣ кромѣ дѣлъ итальянскихъ и испанскихъ обсуждалось также и дѣло грековъ императоръ Александръ всецѣло примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія Меттерниха и остается вѣренъ Священному союзу. „Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской“, говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ Шатобриавомъ; „существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ. Представилось испытаніе—возстаніе Греціи; религіозная война противъ Турціи была въ моихъ интересахъ, въ интересахъ моего народа, требовалась общественнымъ мнѣніемъ моей страны. Но въ волненіяхъ Пелопоннеса мнѣ показались признаки революціонные, и я удержался... Нѣтъ,

я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ“!

Около того же времени (1822 г.) графъ Каподистрія, противникъ системы Меттерниха, стоявшій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, покинулъ русскую службу и самую Россію: какъ греческій патріотъ, онъ считалъ невозможнымъ оставаться во главѣ этого министерства, при томъ оборотѣ, который принимала русская политика. „Графъ Каподистрія похороненъ до конца своей жизни“, торжествовалъ Меттернихъ. „Европа избавлена отъ великой опасности, которою угрожало ей вліяніе этого челоуѣка“. Меттернихъ радовался не только торжеству принциповъ Священнаго союза, но и тому, что вліяніе Россіи должно было пасть. „Русскій кабинетъ“, говорилъ онъ, „однимъ ударомъ разрушилъ великое дѣло Петра В. и его наслѣдниковъ. Все поставлено теперь на новую почву и то, что потеряла Россія

въ нравственномъ отношеніи, достанет-
ся Портѣ.... Наше (австрійское) и ан-
глійское вліяніе должно теперь гос-
подствовать въ Константинополѣ“.

Если наиболѣе заинтересованныя
державы относились такъ въ сущности
враждебно къ грекамъ, то иначе от-
носилось къ нимъ европейское общест-
во. Въ немъ греческое возстаніе выз-
вало небывалый энтузіазмъ. Вся луч-
шая, мыслящая часть общества горя-
чо сочувствовала дѣлу грековъ, какъ
торжеству культуры, гуманности, сво-
боды. Тутъ вліяло немало и увлече-
ніе классическимъ міромъ и его дѣя-
телями: въ грекахъ XIX в. видѣли
прямыхъ потомковъ древнихъ элли-
новъ, преемниковъ ихъ подвиговъ и
славы. О темныхъ сторонахъ ихъ, о
жестокостяхъ, совершаемыхъ въ свою
очередь ими, о раздорахъ и анархіи,
царившей въ Греціи, ничего не знали.
Звѣрства турокъ, рѣзня на о-вѣ Хіо-
сѣ, мужественная защита Миссолунгъ,

гибель ихъ, все это еще болѣе располагало европейское общество въ пользу грековъ, возбуждало энтузіазмъ. О Россіи, единовѣрной грекамъ, нечего и говорить: по словамъ самого императора Александра, изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ противился войнѣ съ турками. На западѣ, въ Германіи, Франціи, Англіи, всюду филэллинское движеніе проявлялось самымъ яркимъ образомъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Король баварскій отказался отъ празднествъ и увеселеній, а предназначенныя на нихъ деньги пожертвовалъ на выкупъ плѣнныхъ грековъ. Въ Парижѣ великосвѣтскія дамы лично собирали пожертвованія. Отовсюду въ Грецію стекались волонтеры, въ числѣ ихъ виртембергскій генераль Норманъ. Знаменитый Байронъ отдалъ дѣлу грековъ свои средства и свои угасавшія силы. Онъ прибылъ въ Грецію, обнаружилъ лихорадочную дѣятельность, но вскорѣ скон-

чался въ Миссолунгахъ, незадолго до знаменитой осады этого города.

Наконецъ совершился поворотъ и въ политикѣ, какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда греки стали уже изнемогать въ борьбѣ. Прежде всего онъ обнаружился въ Англіи, гдѣ во главѣ министерства сталъ Каннингъ, сторонникъ грековъ. Его девизомъ была „свобода гражданская и религіозная“. Этого требовали и интересы Англіи: политика Кестльри привела ее къ изолированности, къ упадку вліянія; Каннингъ даетъ ей противоположное направленіе; онъ поддерживаетъ освободительное движеніе грековъ. „Россія“, писалъ онъ, „покидаетъ свой передовой постъ; Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что и гуманность этого требуетъ“. Въ Греціи образовалась многочисленная партія, которая желала отдать родину подъ формальный протекторатъ Англіи.

Что касается Россіи, то и тутъ сила вещей побудила еще императора Александра въ послѣдніе годы его жизни все болѣе и болѣе склоняться на сторону грековъ. Поведеніе Порты и союзниковъ, очевидная невозможность подчинить грековъ снова турецкому игу, все это заставляло его измѣнить свою политику по греческому вопросу. Незадолго до смерти императора возникъ даже проектъ—образовать изъ Греціи три вассальныхъ княжества. Осенью 1825 шли переговоры по поводу предложенія Франціи воздѣйствовать на Турцію въ пользу грековъ и внушить ей, чтобы она послушалась державъ и не надѣялась на то, что между ними несогласіе. Но рѣшительный поворотъ наступилъ лишь съ восшествіемъ на престолъ императора Николая. Императоръ Николай былъ свободенъ отъ вліянія Меттерниха; при всѣхъ своихъ охранительныхъ стремленіяхъ онъ видѣлъ разни-

цу между революціонными движеніями западной Европы и борьбою Греціи за освобожденіе; онъ имѣлъ въ виду достоинство и національные интересы Россіи, ея прошлое, а все это требовало вмѣшательства въ пользу грековъ. Англія опасалась, какъ-бы Россія не вмѣшалась одна, и поспѣшила войти съ нею въ соглашеніе. Это дѣло поручено было герцогу Веллингтону, посланному въ Петербургъ привѣтствовать императора съ восшествіемъ на престолъ. 4 апр. 1826 г. состоялся договоръ, по которому Россія и Англія, „одушевленные желаніемъ прекратить борьбу согласно съ требованіями религіи, справедливости и человѣколюбія“, условились относительно своего посредничества и примиренія грековъ съ турками; Греція должна была составить особое вассальное государство съ обязательствомъ платить дань; грекамъ обезпечивалась свобода совѣсти, торговли, управленія. А по Лондонскому договору 6 іюля

1827 г. къ Россіи и Англіи присоеди-
нилась Франція. Такъ образовался трой-
ной союзъ въ пользу грековъ. Въ случаѣ
надобности рѣшено было принять энер-
гическія мѣры противъ той изъ воюю-
щихъ сторонъ, которая не подчинится
посредничеству державъ. Эскадра трехъ
державъ подъ начальствомъ англійскаго
адмирала Кондриягтона, русскаго — Се-
нявина и французскаго — де-Риньи — на-
правлена была къ берегамъ Пелопон-
неса. Тамъ у Наварина (древняго
Пилоса) расположились въ виду одинъ
другаго союзный и турецко-египетскій
флотъ, и здѣсь 8/20 октября 1827 г.
еще до формальнаго объявленія войны
произошло знаменитое сраженіе, въ ко-
торомъ турецкій флотъ былъ истреб-
ленъ.

Наваринское сраженіе — поворотный
пунктъ въ исторіи той эпохи; это
былъ ударъ для Меттерниха и его
системы, торжество для грековъ. Въ
Петербургъ и Парижъ вѣсть о немъ

принята была съ восторгомъ, въ Лондонѣ—съ худо скрытымъ неудовольствіемъ: Каннинга уже не было въ живыхъ и министерство состояло изъ торіевъ. Это же сраженіе послужило сигналомъ къ войнѣ Россіи съ Турціей, закончившейся *Адрианопольскимъ миромъ*, по которому Россія удовлетворялась незначительными пріобрѣтеніями, но зато Греція признана независимой, хотя и съ обязательствомъ платить небольшую дань. Лондонскою конференціею 1830 г. положеніе Греціи опредѣлено точнѣе; границы ея были нѣсколько сѣужены, но зато дань отмѣнена. (Границей служила линія отъ устья Аспропотама до Воло. Кромѣ того, къ Греціи отошли Эвбея и Циклады).

Такъ совершилось освобожденіе Греціи. Но надежды на свѣтлое будущее освобожденной съ такими жертвами страны не оправдались. Внутри происходили смуты, раздоры и ожесточенная борь-

ба партій. Сначала рѣшено было предложить греческую корону Леопольду Кобургскому, но тотъ отказался отъ нея. Главою правительства оставался Каподистрія. Противъ него была многочисленная партія сторонниковъ Англіи, тогда какъ Каподистрія былъ приверженцемъ Россіи. Дѣло дошло до того, что напр. Міаули, извѣстный герой войны за освобожденіе, сжегъ нѣсколько греческихъ кораблей, чтобы не отдавать ихъ въ руки правительства. Самъ Каподистрія сдѣлался жертвой мести: 9 октября 1831 г., при входѣ въ церковь онъ былъ убитъ сыномъ и братомъ Петра Мавромихали, другаго героя войны за освобожденіе, имъ арестованнаго. Въ Греціи царила анархія; наконецъ рѣшено было предложить корону принцу Оттону Баварскому (авг. 1832 г.). Оттонъ прибылъ въ Грецію. Но онъ былъ слишкомъ молодъ и потому было учреждено регентство изъ

баварцевъ. Лишь въ 1835 г. Оттонъ взялъ въ свои руки правленіе. Но смуты продолжались; въ странѣ господствовали пѣмцы, и въ 1843 г. вспыхнула революція, заставившая Оттона дать новую конституцію. Тѣмъ не менѣе положеніе мало улучшилось; финансы были разстроены; греки увлекались панэллинскими планами и были недовольны слабостью и непредпріимчивостью короля. Въ началѣ 1862 г. произошло возстаніе съ престарѣлымъ Канари во главѣ; оно было подавлено, но въ октябрѣ революція вспыхнула въ разныхъ пунктахъ, и Оттонъ вынужденъ былъ покинуть Грецію. Въ преемники ему избранъ нынѣшній король Георгъ (1863), при которомъ государственный строй сдѣлался еще демократичнѣе. При избраніи Георга на престолъ Англія уступила Греціи Іоническія о-ва. Въ послѣдней русско-турецкой войнѣ Греція не принимала активнаго участія; но

по Берлинскому трактату ей обѣщано было расширеніе границъ, къ ней должна была отойти Фессалія и Арта, что отчасти осуществилось лишь позднѣе. Что касается Крита, то еще 30 лѣтъ тому назадъ (1866—8) на немъ происходило упорное возстаніе, поддерживаемое Греціей. На уступку Крита послѣдней Турція не соглашалась; по ея ультиматумъ не оказывалъ дѣйствія, пока не вмѣшались державы (1869): Греція должна была отказаться тогда отъ Крита.

Мы сказали, что между событіями нынѣшними и событіями 20-хъ годовъ при нѣкоторомъ сходствѣ есть разница и даже контрастъ: дѣло грековъ теперь далеко не возбуждаетъ въ Европѣ такого энтузіазма, какъ тогда. И это понятно. Положеніе Греціи съ тѣхъ поръ измѣнилось; греки борются не за свое существованіе, а изъ-за расширенія границъ, изъ-за осуществленія панэллинскихъ стремленій, ко-

торыя къ тому-же стоятъ въ противорѣчїи съ интересами славянства. Наконецъ въ 20-хъ годахъ греки въ борьбѣ съ турками проявили удивительную стойкость и мужество; а теперь они пока обнаруживаютъ паническій страхъ и слабость...

В. Бүзескулъ.

ныне оттиски изъ № 111 и 112 „Харьк.
Губ. Вѣд“ за 1897 годъ).

